УДК 821.161.1(045)

Л.И. Донецких

СЛОВООБРАЗ «ВРЕМЯ» В ПОЭТЕМЕ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ С.Я. МАРШАКА

В статье представлен анализ словообраза **время** в поэтических формулах философской лирики С.Я. Маршака. Поэтические формулы – художественно-эстетические единицы – творческие утверждения автора, выношенные и выстраданные семидесятилетним жизненным путем писателя. В них отшлифованы мысли, даны концептуальные дидактико-нравственные оценки авторской картины мира. Появившись на заре древнерусской письменности, поэтические формулы превращались в индивидуально-авторские образования, конситуативно обусловленные и функционально утверждаемые частотностью употребления в литературе и речи. Сохраняя семантическую основу ключевого слова *Время*, поэтические формулы в философской лирике С.Я. Маршака обогатились новыми эстетическими смыслами и эмоциями, превратившись в поэтему. Она вобрала в себя не только авторскую, но и ментальную смысловую базу, накопленную национальным сознанием и традициями русского народа.

Ключевые слова: поэтическая формула, поэтема, смыслообразующие функции, ментальная картина мира, незакрепленная структурно-смысловая и структурно-композиционная организация.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-449-455

Творчество любого писателя является материально-художественным воплощением авторской картины мира. Система накопленных онтологических знаний о действительности моделируется через призму его мировидения и миропонимания. Отражая жизнь, художник создает новую эстетическую реальность, формирует свою поэтическую концепцию.

Материалом исследования послужил сборник философской лирики С.Я. Маршака, вышедший в 1962 г. В него вошли лирические стихотворения последних десятилетий жизни поэта. Именно на этой лирике лежит печать глубокого поэтического мастерства, в ней отразились жизненные знания и опыт поэта, те чувства, мысли и идеи, которые волновали его, но которые не нашли реализации в созданной им богатой детской литературе.

Сборник разделен на 10 частей, каждая из которых тематически индивидуализирована: время и вечность, язык и речь, мир и природа, поэт и поэзия, жизнь и смерть. Это то сокровенное, что накапливалось в течение 70 лет жизни поэта, воплощаясь в художественных текстах.

Основное внимание в статье сосредоточено на анализе ведущего приема философской лирики С.Я. Маршака – поэтической формуле – поэтеме. Цель настоящей работы – представить поэтическую формулу Маршака как эстетическую единицу – словообраз **время** – в сфере его индивидуально-авторского мышления. Этот словообраз нашел отражение в 12 текстах сборника.

Мы исходим из следующей характеристики поэтемы, получившей теоретическое отражение в современной лингвопоэтике.

Поэтическая формула как единица обобщенно-авторского сознания появилась в текстах письменных памятников в древности. Книжное употребление обогащало ее и в смысловом, и в эмоциональном, и в структурно-композиционном планах, тематически разнообразило, сближая с образными средствами фольклора.

Устоявшиеся с развитием литературы словообразы, лежащие в основах поэтических формул, ментально утвердились и традиционно обозначили культурные векторы использования. Поэтические формулы из относительно свободных образований постепенно превращались в поэтемы – эстетические единицы авторского художественного мышления, представляющие собой как сложную ассоциативную работу со словом, так и сумму обобщенно-символических образований в виде фразеосвязанных идиозначимых компонентов текста. Они всегда конситуативно и функционально зависят от авторского употребления.

Поэтема сохраняет семантическую основу для раскрытия внутренних потенциальных смысловых и эмоциональных возможностей словообраза.

В структурном плане она не отличается стабильностью, представляет свободное синтаксическое образование: словосочетание, предложение, сверхфразовое единство, целый текст, а иногда и все творчество художника.

Ассоциативное фразеосцепление компонентов поэтемы свидетельствует о том, что содержание творческой мысли невозможно разделить. Она передает индивидуальный опыт, воплощенный в авторской картине мира.

Смысловая и структурная близость поэтем к афоризмам, пословицам и поговоркам позволяет утверждать, что поэтические формулы – сколки не только авторской, но и ментальной картины мира, отражающей специфику русского национального сознания и традиций народа.

Она образуется чаще всего на тропеической основе, хотя способна формироваться и на базе воспроизводимых языковых единиц за счет их формально-содержательной реструктуризации.

В основе поэтемы лежит эстетическая константа – ключевой словообраз, сюжетно и композиционно связанный с идиозаданием текста, мысли.

В структурно-смысловой организации поэтемы могут выражать противопоставление или тождество, с помощью которых эксплицируется констатация истины, наставления, отрицания и т. д. [1, с. 193].

В текстах поэтемы, занимая разные сильные позиции – начала, конца, кольца, стержня всего контекста, – выполняют текстообразующие, смыслообразующие, эмотивные и идиеобразующие эстетические функции.

Таким образом, поэтема – это знаковая форма творческой активности автора, представляющая специфику его художественного мышления, организующая систему эстетических компонентов вербализованного образования, аккумулирующая субъективную энергию опыта, накопленного писателем и нашедшего отражение в тексте. При этом, концептуальный словообраз наполняется и индивидуально-авторскими смысловыми качествами, и обобщено – ментальными истинами.

Человек, жизнь, поэзия, слово, мир, время, любовь, война, смерть и т.п. – это силы, способные изменять окружающее, обнажать чувства, обострять восприятия. За годы своих творческих исканий, преодолевая трудности и неудачи, Маршак научился особенно ценить **время** и **жизнь**. Поэтому художник делится своим опытом с читателями и каждому желает обрести умения беречь жизнь. Его дидактизм альтруистичен, он спешит поделиться и своим опытом, и познанными народными истинами. Маршак как бы пропускает общечеловеческие ценности через фильтр богатого собственного мирознания, помогая себе и каждому в преодолении проблем Бытия. В этом плане его можно назвать тончайшим педагогом-психологом.

Известный исследователь творчества Маршака Борис Сарнов определил основную доминанту эстетики поэта – поэзия порядка: «Маршак воспевает упорядоченность как наивысшую и наипоэтичнейшую ценность мира…» [2, с. 46]. Сарнов формирует культурно-эстетический пафос писателя: просветительство, сохранение и передача людям накопленных духовных ценностей. Жизненной целью его стало хранение вековых традиций народа. Поэтому философская лирика Маршака – это упорядоченное собрание, антология человеческих мыслей, идей, чувств, направленных на служение человеку, способ возвращения к первоначальным родникам культуры и искусства.

Сохранить бессмертное живое поэтическое слово – доминантное требование поэта, а все художественные средства, приемы являются способом возбудить мысли, эмоции, подчинить их ведущей идее и избранным эстетическим принципам.

Концептуальный слоообраз у Маршака наполняется и личностными качествами, и обобщенными знаниями, близкими каждому человеку. Поэтому его философская лирика – это упорядоченное собрание, антология человеческих идей, чувств, направленных на служение народу, поиски счастья для каждого, способ возвращения к истокам. Сохранить бессмертное родниковое слово во всей глубине его смысловых возможностей – это и стало эстетическим мерилом его избранной лирики и основных образов – поэтем.

Из всех найденных за долгий жизненный путь словообразов он выбрал те, которые способны изменять жизнь человека, способны повлиять на нее так, что устойчивая картина мира начинает трансформироваться, обогащаться. Этим вечным источником он прежде всего назвал **время** и обыграл поэтику этого словообраза в калейдоскопе поэтем, которые смогут сделать честь любому словарю.

Отталкиваясь от значения этого слова, обогащая его новыми эстетическими ореолами, он построил уникальные сублогические суждения, которые манифестируют не только авторскую идею, но и накопленный веками ментальный багаж человечества.

Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой [3, с. 227] отмечает шесть значений слова «время»:

1. Длительность существования всего происходящего, всех явлений, предметов и мера длительности всего происходящего.

2. Какой-либо отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, месяцев, лет и т. п.

3. Определенный, известный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т. п.

4. Период, эпоха (в жизни человечества).

5. Всеобщая, объективная форма существования материи, проявляющаяся в длительности и последовательности (филос.).

6. Форма глагола (настоящее, пошедшее, будущее время) [3, с. 227].

Вся сумма этих значений нашла отражение в поэзии С.Я. Маршака. Словообраз живет в стихах, ненавязчиво раскрывая содержание, удивляет новыми смысловыми и эмоциональными всплесками, поражает неожиданными обобщениями, заставляет задуматься над оценками и векторами в прошлое, настоящее и будущее. И при всей глубине и сложности, заложенной в его содержании, вдруг открывается нечто такой простотой и прозрачностью, которая, конечно же, выношена и долгими раздумьями, и трудной судьбой, и счастливым умением видеть светлое и надежное впереди. Работа с поэтическими формулами позволила С.Я. Маршаку все это эксплицировать в поэтемах. Посмотрим на его работу близко и внимательно.

Вот поэтема-текст **«Надпись на часах»** [4]
Дорого во-время время.
Времени много и мало.
Долгое время – не время,
Если оно миновало [5, с. 126].

Лаконизм и смысловая глубина не дают ошибиться: это **надпись**. Ее обобщенная емкость эпиграфична. Каждое слово вобрало в себя такое неотразимо глубокое содержание, которое позволяет проецировать его и в ретро, и в будущее. Поэтема – *Дорого во-время время*[1] – при минимуме плана выражения и точности мысли концептуализировала образную сущность понятия Бытия. Остальные строки лишь дополняют и оценочно уточняют ее. Каждая претендует на афористическое дополнение, позволяя их назвать сопоэтемами:

Времени много и мало.
Долгое время – не время,
Если оно миновало.

Эти уточнения не отрицают хронометрических рамок. Но они очень нужны поэту при утверждении *Дорого во-время время*. Оценка времени представлена эпитетикой контраста: много-мало, во-время – не время. Поэтика противопоставления рождает новое значение, концентрируя на нем смысловой и логический акценты. Обобщение и оценка содержится у наречия **во-время**. Эстетические ассоциации открывают глубинные возможности слова: *‘ценность времени, когда оно реализуется во-время. Оно ничего не стоит, если уже миновало’*.

Симметрия противопоставленных смыслов в тексте на фоне жанровой отнесенности поддерживается не только сильной позицией заглавия – «Надпись на часах», но и последовательно растолковывается каждой строчкой следующих за первой поэтемой – идеобразующей – двух сопоэтем. Их простота и тонкая прозрачность поразительны: глядя на часы, каждый должен помнить, что время идет рядом с тобой, а мы не всегда замечаем это… И как жаль, если его не хватает… Время дорого! Его не следует тратить попусту. Эта поэтема констатирует истину, ее назидательность хотя и имплицитна, но неотразимо объективна, потому что эта истина вечная.

Посмотрим другое стихотворение, где словообраз **время** проявляет иные ипостаси смысла, но столь же важные и нужные при осознании жизненных перипетий человеческого Бытия. Автор работает над ассоциациями такой важной содержательной детали образа, как способность времени длиться в пространстве жизненного пути, в умении приносить радость или горе, т.е. быть *полезным* или *бесполезным*… Отчего же зависят эти качества? Решению этих вопросов поэт посвятил следующее стихотворение. И как прекрасно, что мысль не субъективна: не случайно в сильной позиции стоят утверждения: *Мы знаем… Вы наполняете* его. **Содержимое времени** – вот что фокусируется автором в поэтеме. Эта истина – самое идиозначимое в пространстве времени, которое делится на «долгие

[1] Здесь и далее курсив автора.

минутки», приносящие удовлетворение, радость и счастье, и «очень краткие часы» – не нагруженные, пустые – напрасный счет времени…

Мы знаем: время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Бывают у него застои,
А иногда оно течет
Ненагруженное, пустое,
Часов и дней напрасный счет.

Пусть равномерны промежутки,
Что разделяют наши сутки,
Но, положив их на весы,
Находим долгие минутки
И очень краткие часы [5, с. 14].

Эмоционально-смысловое содержание текста позволило объединить словообраз **«время растяжимо»** назидательным кольцом: положив его на весы жизни, находим долгие минутки – ‘важные, полезные, приносящие удовлетворение’, и очень краткие часы – ‘бесполезные, пустые, часов и дней напрасный счет’.

Автор дает этому качеству словообраза **время** оценку срединным четверостишием. Эта оценка беспощадна: время, лишенное содержания, течет впустую.

Каждое слово здесь – жесткое мерило на шкале авторского утверждения общечеловеческой истины: *время дорого – его надо ценить*. Но это прежде всего его – Маршака – истина-мерило! И он щедро ею делиться с нами… Время – объект. Оно способно долго длиться… Способно исчезнуть мгновенно, не оставив следа… Мы это знаем!.. Чтобы оно стало приносить пользу, для этого необходимы 2 условия: пространство времени должно быть заполнено **содержанием**. Время надо беречь, относиться к нему созидательно.

Кольцевое построение текста, где каждая поэтема высвечивает мудрую и в тоже время простую мысль, реализовало задуманное автором. Пять строчек кольца в конце текста выполняют резюмирующую функцию как следствие того, что обозначено в трех строках зачина. Здесь заложены идиосмыслы стихотворения: время растяжимо… Какого рода содержанием вы наполняете его, в руках субъекта: не случайно – *«мы знаем», «вы наполняете»*… От каждого зависит, как время реализует себя – с пользой или без пользы. Архитектоника построения этого текста оказалась такой же концептуальной, как и каждое употребление словообраза **время**.

В отличие от первого стихотворения «Надпись на часах», где мысль предельно эксплицитна, в этом скрытая имплицитность позволяет акцентировать внимание не столько на объекте – время, сколько – на субъекте: человеке, каждом из нас. Назидательность не исчезает, но становится виртуально полезной.

Еще одну грань словообраза **время** С.Я. Маршак формулирует в поэтемах двух других стихотворений.

Быстро дни недели пролетели,
Протекли меж пальцев, как вода,
Потому что есть среди недели
Хитрое колесико – Среда.
Понедельник, Вторник очень много
Нам сулят, – неделя молода.
А в Четверг она уж у порога.
Поворотный день ее – Среда.
Есть колеса дня, колеса ночи.
Потому и годы так летят.
Помни же, что путь у нас короче
Тех путей, что намечает взгляд [2, с. 18].

Метафорическая образность пронизывает весь текст: почти каждое слово использовано переносно. Однако этот фон нисколько не затушевывает афористической формульности каждого четверостишия. Поэта волнует такие хронотопные единицы, как *день*, *ночь*, *неделя*. Они очень предметно отсчитывают время человека.

Значимые дни недели автор подчеркивает заглавными буквами, а то, что «у порога» – пропускает. Две поэтемы, построенные на метафорической основе, важные – это авторская точка зрения на сущность хода времени. Отсюда прием графического акцента. Хотя, считает поэт, есть еще более скоростной – поворотный хронометр – «взгляд»:

Помни же, что путь у нас короче
Тех путей, что намечает взгляд.

Такое сравнение усиливает оценочный вывод, о котором надо помнить каждому: два дня недели – время молодое, энергичное, но недолгое. Уже на третий день начинается поворот к концу. Маршак опускает пятницу, субботу и воскресенье.

Эта поэтема – наставление, дидактичность ее эксплицитна: лингвистически он ее подчеркивает повелительной формой глагола, обращенной к каждому человеку. С.Я. Маршак требует, чтобы мы научились распоряжаться своим временем, тратить его с пользой для себя, а значит ценить свою жизнь.

Такую же функцию выполняют поэтемы и в следующем тексте: автор поднимает нас еще на одну ступень хронографической лестницы Бытия:

Не знает *вечность* ни родства, ни племени,
Чужда ей боль рождений и смертей.
А у меньшой сестры ее – у времени –
Бесчисленное множество детей.

Столетья разрешаются от бремени.
Плоды приносят год, и день, и час.
Пока в руках у нас частица времени,
Пускай оно работает для нас!

Пусть мерит нам стихи стопою четкою,
Работу, пляску, плаванье, полет.
И долгое оно или короткое –
Пусть вместе с нами что-то создает.

Бегущая минута незаметная
Рождает миру подвиг или стих.
Глядишь – и вечность, старая, бездетная,
Усыновит племянников своих [5, с. 21].

В текст введены новые единицы времени, которые еще раз утверждают образную истину: время разлагается на части… Каждое мгновение, если оно нагружено делом – работой, пляской, плаванием, полетом, созданием стихов, если оно отдано на благо человечеству – подвигу, например, тогда отжившее – **вечность** – становится важным, о котором нельзя забывать, потому что в его лоне сохраняется все, о чем надо помнить, потому что оно утверждает бесконечность Бытия.

Калейдоскоп поэтем со словообразом **время** в этом тексте поразителен… Они уже реализовались в предыдущих текстах, но собраны здесь на уровне бóльшего обобщения (и лексемы для этого выбраны особые, новые – *вечность, столетия*), и глаголы закрепляют то, что мы уже слышали – «столетья *разрешаются от бремени*; плоды *приносят* год, и день, и час»; «пускай оно *работает* для нас», «пусть вместе с нами что-то *создает*», «*рождает* миру подвиг или стих» – все это в **вечности** бесконечно и повторимо. Время способно меняться и тем обеспечивать человеку содержание жизни, потому так ценимо автором. Оно должно быть понятно как связующая нить памяти, без которой нет Бытия:

Пока у нас в руках частица времени
Пускай оно работает для нас!

Побудительная частица, поддержанная восклицанием, раскрывает всю глубину эмоционально-оценочных возможностей поэтемы. С.Я. Маршак размышляет о том, как человек должен распоряжаться своим временем, созидательность которого – самая главная ценность. Эта поэтема-кольцо не только данного текста, но проецируется и в предыдущие. Только тогда эксплицитный смысл словообраза **время** способен породить смысловое и оценочное продолжение: только тогда **вечность** уже и бездетная, и безродная усыновит мельчайшее мгновение твоего времени, твоей жизни и породит племянников своих. К этому должен стремиться каждый – таков наиважнейший завет мудреца Самуила Яковлевича Маршака.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаврова С.Ю. Формулы в текстовой парадигме (на материале идиостиля М. Цветаевой): Монография. М.: Прометей, 1998. 193 с.
2. Сарнов Б. Самуил Маршак: очерк поэзии. М.: Художественная литература, 1968. 191 с.
3. Словарь русского языка. В 4 т. / АН СССР. Ин-т русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой, 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. 698 с.
4. Маршак С.Я. Избранная лирика. М.: Госуд. изд-во худ. лит., 1962. 151 с.
5. Маршак С.Я. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1970. 703 с.

Поступила в редакцию 22.10.2020

Донецких Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: russistoria@mail.ru

L.I. Donetskikh

THE WORD-IMAGE “TIME” IN POETIC THEME OF S.Ya. MARSHAK’s PHILOSOPHICAL POETRY

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-449-455

The article analyzes the word-image “time” in poetic formulae of S.Ya. Marshak’s philosophical poetry.
Being artistic and esthetic units poetic formulae are regarded as creative and imaginative statements of the author, the ones that were achieved through suffering of the writer’s 70 year life’s journey. These statements include polished thoughts, conceptual didactic and moral evaluation of the author’s worldview.
Having emerged in the earliest days of the Old Russian writing poetic formulae turned into individual background and accomplishments of the author supported by their situation awareness and justified by their frequency in literature and speech.
Preserving semantic features of the keyword “time” poetic formulae of S.Ya. Marshak’s philosophical poetry were enriched with new esthetic messages and emotions thus transforming into “word-image poetic theme”. It included both author’s and mental sense bearing system accumulated by national consciousness and cultural traditions of the Russian people.

Keywords: poetic formula, poetic theme, meaning-making functions, mental worldview, unfixed structural sense bearing and structural and compositional entity.

REFERENCES

1. Lavrova S.Yu. Formuli v tekstovoy paradigm (na material idiostilya M. Tsvetaevoy [Formulae in the text paradigm (on the material of M. Tsvetaeva’s individual style)]: Monografiya [Monograph]. M.: Prometey [Prometheus], 1998. 193 p.
2. Sarnov B.Samuil Marshak: ocherk poezii [Samuil Marshak. Sketch and poetry]. M., 1968. 191 p.
3. Slovar russcogo yazika. V 4 tomah [Dictionary of the Russian Language. In 4 volumes] / USSR Academy of Sciences. Institute of the Russian Language. Ed. By A.P. Evgenyeva. 2nd edition, revised and extended. Vol. 1. M.: Russian Language, 1981. 698 p.
4. Marshak S.Ya. Izbrannaya lirika [Selected poetry]. M.: National Publishing House of Imaginative Literature, 1962. 151 p.

5. Marshak S.Ya. Sobraniye sichineniy. V 8 tomah [Collected edition. In 8 volumes]. Vol. 1. M.: Imaginative Literature, 1970, 703 p.

Received 22.10.2020

Donetskikh L.I., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: russistoria@mail.ru